

Глава 4. «Ни один костюм не может сравниться с красотой человеческого тела».

После бани всегда спишь без задних ног, как говаривала бабушка. Долго и беспросветно. Поэтому в баню ходят в субботу. Поэтому я не люблю баню. Она делает тебя какой-то неземной и невесомой. Чистой изнутри и снаружи. На время. А потом идешь в уборную, или моешь посуду, или еще чего и даже обидно, что несколько минут назад парила «как ангел небесный» и на тебе, в грязи как все. Но это потом.

А пока ты просыпаешься голенькая. Голенькая — голенькая. Не смотря на то, что вчера бабка напяливала на тебя дурацкую ночнушку. И даешь волю своим чувствам. Ночнушку надо снять обязательно вечером, чтобы утром проснуться как надо.

Зимой еще лучше. Одеяло толстое, толстое. Тяжелое и теплое оно ласкает все, все места от макушки и до пальчиков на ногах, если потягиваться. Простыни свежие, пахучие как ветровые паруса, пахнут свежестью, полынью, и свободой. Ногу высунешь, в комнате холодновато, и дрыг обратно. И потягиваться — тереться всем телом о пододеяльник и простыни.

У кайф!

И можно валяться в постели долго, часов до девяти. И нежиться. Вот за это я любила свои ладошки. Летом они очень шаршавые, в цыпках, как говорит бабуля, а зимой становятся нежнее ласковей. И еще я потихоньку таскала мамин крем. От него они здорово мягчали. Мои ладошки. Мои славные ладошки. Они доставали всюду и гладили, гладили, гладили... Вот так, потянемся, погладимся...

Чертушки, меня аж согнуло от того, что я вспомнила! Вчерашний вечер. И мытье в бане. Я аж простыню отбросила. Во — дела. Все тело было иссечено красными черточками от веника. Кожа даже побаливала. Я так внимательно осмотрела себя, словно это была уже не я. Как змея первый раз сменившая кожу. Зачем-то попыталась приподнять ладошками свои сиськи. И мне они показались необычайно налитыми, хотя еще вчера утром я и внимания не обращала на это недоразумение, с точки зрения «нормальной» женщины. Одним махом я скакнула к старому трюмо занимавшему дальний угол комнаты и обалдела. Это была я и не я! Черточки от веника — не в счет. И раньше случалось.

Я увидела себя новыми глазами. И если закусив губу забыть, что я вчера видела, и что при этом вытворяла. Это была не я! Эта девушка была куда красивее той облезлой козы, которая лазила по заборам мелькая трусиками перед нескромными зенками Витьки Сала-Масла.

Я сама себе нравилась! Если отбросить то, что из маминой дочки, я превратилась в любопытную лгунью, которая всю подсматривает и подслушивает сует нос, куда попало, в зеркале была девчонка что надо. Если раньше, я была так себе, то теперь ничего себе.

— Улавливаешь разницу Витек. Теперь на черемуху первый будешь лазить.

А впрочем, я вдруг поняла, что больше никогда, никогда не полезу на эту самую черемуху! Зачем обдирать о сучки такие красивые бедра! Ну, может быть бедра пока узковаты, а впрочем ляжки ничего — крепенькие. Зато попочка. мне жутко понравилась, моя маленькая попочка. Я сладко погладила ее и тщательно осмотрела в зеркалах трюмо сразу в трех проекциях. А потом даже нагнулась, чтобы получше рассмотреть то, чего вчера касался у мамы папин язычок. И не только касался. Темное колечко ануса забавно жмурилось. Я

подвигала по нему подушечкой пальца, восхищаясь своей смелостью. И никакой брезгливости. Надо же. А он ответил мне тем, что сжался и ох...

Ох и чудное у меня стало тело. А чтобы увидеть ЕЕ мою маленькую, мою славненькую киску и нагибаться не очень надо было. Но я все же нагнулась сильнее. Почему я никогда на нее в зеркало не смотрела! Старалась не замечать, что ли. Раз — раз, подмылась после туалета. Прокладку сунула в трусы, когда месячные, достала, выкинула, подмылась, и никогда на нее не смотрела. Словно она чумная какая, противная. А она не чумная, а чумовая. Благодаря ей, я вчера такое... Даже чуть не вырубилась.

Как половинка абрикосика сзади, ниже ануса.

Я восторженно погладила ее мягкие губочки и решила, что лучше все-таки устроиться в постели. А то опять накатит!

Мне нравилось трогать ее, просто трогать, знакомиться. Мой абрикосик. И представлять ничего не надо, никаких картинок. И так все сладко. Я даже горошину нашла. Волшебную горошину, которую пытались спрятать от принцессы под двенадцатью перинами и сколькими то там одеялами. А принцесса просто выросла и горошина сама дала о себе знать. Сказки то оказывается, для взрослых сочиняют. Горошина ты моя. Ого, она же раньше всегда маленькая была. А впрочем, откуда мне знать, я только вчера о ней узнала. Вот это да! Мне показалось, что даже попка задергалась в ответ на ласку МОЕЙ горошины. Нет, сударыня не все сразу, мы к вам в гости попозже. Да вы оказывается и не горошина вовсе. О-го-го, разве можно так, расти прямо на глазах! Теперь величиной с боб! Да вы просто — мистер Боб. Мы к вам позже мистер Боб, позже!

И пошло поехало. Мои руки заново познакомились с моим телом. Они гладили, Щипали, ласкали его. Меня затягивало, в омут, в пучину грехопадения. Бабушка почему ты не говорила, что грехопадение это когда паришь падая в Ниагару. Я падаю, значит, я уже падшая женщина! Как хорошо падать и падать. Только одну руку надо на сисочку, а другую... Здравствуй мистер Боб. О-о-оо!

Я закрываю глаза, или это они сами. Лучше бы я их не закрывала. Между моими ногами возникает голова Аполлона он впивается губами в мои сладкие губочки.

— Па-поч-ка. Миленький. Я люб-лю-тебя — я — люб-лю-у. Моя попочка начинает сладко дергаться, комната валится следом за мной на дно Ниагары, а в раскрытых дверях стоит и улыбается мой Аполлон. Папка. Зачем же и он, в Ниагару. Я с силой раскрываю глаза, и действительно в дверях стоит папка. Уже поздно что-либо поправить.

Изо всех сил тру мистера Боба и он покорно и восторженно уносит меня в светлую даль беспомыслия.

...

— Как ты выросла дочка...

— Папка!

Я лежу, все еще голая, а он сидит на краю постели и успокаивающе гладит меня. Его рука стирает слезинку со щеки и движется вниз. По пути она цепляет сосочек, который отдается сладким томлением. Похлопывает по бедру.

— Все хорошо. Ты нормальная девчонка, просто уже выросла. Отдыхай, и пойдём пить чай, принцесса на горошине...

Иногда я думаю, что он умеет читать мысли!

Вот только двери закрывать надо. Плотненько. У нас в доме порядок такой, если дверь в

комнату приоткрыта, заходи, когда хочешь. Если плотно затворена, значит, тебя там не ждут.

Похоже, я вчера так и оставила дверь нараспашку. Только вот вопрос то ли мне было не до двери, или мне просто не хотелось оставаться одной...

А пить чай я не пошла.

Потом подслушивала сидя на лестнице, ведущей на чердак.

А вечером он уехал.

Ох уж эти папкины командировки.

Накануне родители были какие то особенные. Они ходили, чуть ли не держась за руки.

Говорили друг другу нежно. Не то что бы нежности, а как-то особенно.

«Женечка, подай пожалуйста соль», звучало так словно он объяснялся в любви или приглашал ее на тур вальса. Они использовали любую возможность, чтобы улизнуть и уединиться. Теперь то я знаю зачем.

Сегодня он снова уехал...

Глава 5.

Мне многое не нравится.

Не нравится, когда красивые высокие девчонки бегают как лошади. Высоко задирая свои «копыта» вперед и падая плечами назад. Не нравится, когда девки стоят, широко расставив, «расшаперив», как говаривала бабушка ноги. Да еще носками внутрь. Не нравится когда от девчонок воняет куриным говном. Фу!

А ноги,... помнится, мне папаня долго капал на мозги, объясняя, зачем вторая позиция.

Вчера смотрю, мои одноклассницы все как одна ставят ножки «пяточка к носочку», и это в резиновых сапогах то! А года три назад сами шпыняли меня почему зря за эту самую вторую позицию. Перед пацанами выпендриваются куриные задницы.

И чего это я на девчонок набросилась.

И еще я не люблю большие рыхлые губы. Нет, не как у негров, а рыхлые, в складочках и с заячьим разрезом. Все равно у кого, и у девчонок, и у парней, и у взрослых. Противно, смотреть не могу. Не знаю почему, но с детства не переношу людей с такими губами.

Настроение — дерьмо.

Мне эти губы сегодня снились.

Проснулась — суббота.

Сходила в школу. Все уроки — одна физра, два часа. И эти кобылы бегали, задирая ноги, трико в обтяжку, телеса наружу. Кедами шлеп, шлеп. Противно.

Даже пацаны на наших телок не глазели. Физрук отправил их гонять в футбол, а всех телок выгнал на стадион, сдавать нормативы по бегам. Умора. Бегают и пыхтят, как загнанные лошади. Я свое пробежала, и домой. Скука.

И к чему бы эти противные губы снились. Бабку бы сюда. Она все сны знает. Что к дождю, чего к разлуке, что к радости...

Так расстроилась, что взяла и везде, в доме, полы помыла. Даже у папки на его чердаке. Дома — пусто. Папка опять в своей долбаной командировке. Мамка отвалила к сестре, и заодно бабушку проведать.

Девчонки на меня дуются, такая хата пустует. Им что, танцульки, вечеринки. Танцы, шманцы, обжиманцы. Бабка, в таких случаях, грозит — «девка нельзя из квартиры вертеп делать». А я и не делаю.

Девчонки дуются...

Маманя всегда сама не своя, когда папка уезжает в командировки.

Он шутит, «я на симпозиум», «я на конгресс». И пока его месячные семинары тянутся, мамка не может без света спать. Сядет на кровать, колени подожмет, обхватит их руками. Как маленькая старушка...

Его командировки это табу. О них нельзя спрашивать, они непонятно когда кончаются. Мамка оживает только тогда, когда скрипнет калитка и в нее крадучись, войдет папка. Но она всегда слышит. Даже зимой, через двойные рамы. И всегда успевает до того, как он дойдет до ступенек крыльца, выскочить из дома и броситься ему на шею.

Однажды я смазала, петли калитки. Чтобы не скрипели. Она это поняла, и был такой скандал с истерикой! Совсем по другому поводу. Я думала, что она перебьет всю посуду и разгромит дом. Но обошлось.

С тех пор скамейка скрипит исправно. И папка возвращается. Усталый и виноватый.

Я люблю слушать музыку. Танцевать само собой. Но когда одна — люблю слушать. От диско я балдею. От классики — плачу. Наверно у меня на чердаке не все в порядке. Или просто перемешалось. Нормальные девчонки готовы описаться, слушая Аббу или чтонибудь такое. А на остальных смотрят, как на придурков. А мне нравится все. Только по настроению.

А началось, все классе в шестом, со «Щелкунчика». Такой классный мультик по телику. И музыка! У мультиков не бывает такой классной музыки. Я тут же побежала в культтовары и купила все, что там было «от Петра Ильича». Продащица пялилась на меня как на ненормальную, когда заворачивала «Пиковую даму», «Лебединое озеро» и моего любимого Щелкунчика. Три пыльных — пыльных пакета, а в них по три пластинки.

Папка только крикнул, когда увидел меня с этими выцветшими от долгого стояния на витрине конвертами. А через месяц купил стерео проигрыватель. С наушниками, чтобы я не ставила на уши весь дом, под настроение... Примерно полгода длилась моя классикомания, а потом я почти ничего не покупала.

А тот мультик, никто из нашего класса не видел. Я и сама их почти не смотрю — дитячьи забавы...

Когда мне совсем плохо, как сегодня, я ставлю Свиридова. Сижу перед открытой дверцей печки, в которой извивается огонь, и в моей душе бушует метель. От этой музыки по коже бегут зябкие мурашки, и я плачу, не вытирая слез, дома никого. Мне почему-то так жалко себя и одиноко. Этот пасмурный день, похожий на сумерки. Эта раскисшая под дождем деревня. Эти нахохленные люди в ватниках и резиновых сапогах, бредущие неведомо куда. И ничего у меня в жизни не будет кроме этой деревни и этих ватников. Дождь сыпится вперемежку со снегом, и даже злой утренний ветер к обеду совсем скис.

И скамейка скрипнула. Тихонько и печально. Ветер...

Только ноги все равно понесли к дверям...

Папка!!!

Папка, миленький! Как здорово, что командировка, так быстро кончилась. Я висела у него на шее и целовала холодные щеки. Черненький ты мой, смугленький папка!

Однажды я слышала, как бабуля, качая маленького племянника, пела колыбельную:

— ... трата-та, трата-та.

Вышла кошка за кота.

Думала за барина,

А вышла за... болгарина.

Она заметила, что рядом я и, не подавая вида, продолжила.

— За кота котовича,

За Петра Петровича...

Да, папка у меня болгарин. И поэтому очень смуглый. И красивый!

Я узнала об этом совершенно случайно, что он болгарин. Как маленькая Светлана Аллилуева. Которая, под большим секретом, как то сообщила братцу Василию, что папа то у них оказывается — грузин!

Так вот мой — болгарин.

Не знаю, только ли за это бабуля не жаловала зятя. Не то чтобы считала его никчемным человеком. Нет, она очень даже его уважала, и, по-моему, даже немного побаивалась. Это после того как...

Конечно глупости, но я расскажу.

Бабуля стояла в огороде и громогласно взывала — «Миша-а»! Зачем ей понадобился зять, история теперь умалчивает. Уж ей то было доподлинно известно, что в этот час зять «сидит на чердаке» и занимается утренней гимнастикой, времяпровождением, с точки зрения деревенского человека, совершенно бессмысленным.

Так вот, зять совершенно спокойно и само собой бесшумно выпрыгивает из чердачного окна, с высоты четырех метров и, подойдя со спины, деловито говорит

— Да мама...

Немая сцена усугубилась еще и тем, что теща напрочь, забыла, зачем ей был нужен зять.

Если честно, то они живут душа в душу. Только бабка за глаза все-таки иногда говорит — «... не партия, ох не партия...». Не совсем понятно, но с чувством.

Папка вернулся! Для нас с мамулей — такой праздник! Лучше чем Первое мая и даже Новый год!

Вернулся!

Он никогда не привозил особенных подарков, разве что «горячо любимой теще». Так, продукты разные и что ни будь вкусненькое... Но мы были рады невероятно. Особенно мама, она сразу молодеда, превращалась в юную глупенькую девочку и словно не могла наглядеться на своего суженого. А вместе с ней и я воспринимала это как самый большой праздник.

Иногда он возвращался усталый, измотанный и неразговорчивый. Маленькая я даже думала, что эти семинары и сим... симпозиумы, большие вагоны, которые папка разгружает, где то на краю земли. Или галеры с громадными веслами, которые ворочают папка с товарищами. Это после того как мы проходили в школе древнюю историю

Но все равно это был всем праздникам праздник!

Только сегодня мой смугленький папка лицом был черен. В смысле не как негр, а изнутри что ли. Механически похлопал меня по попе.

— Привет, привет доча...

И даже не поинтересовался где мамка.

Захожу в комнату а он так и сидит на стуле посреди комнаты оперся локтями в колени, голову свесил.

Чего тут с вопросами лезть. Я взвилась и баню топить обед готовить.

Забегу, а он все сидит...

Правда, молока выпил, и в баню